

ШОЛОХОВ ИЛИ ВСЕ-ТАКИ КРЮКОВ? НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ АВТОРСТВА «ТИХОГО ДОНА»

Михеев М. Ю. (m-miheev@rambler.ru)

НИВЦ МГУ, Москва

В статье на конкретных примерах методом сравнения контекстов разбираются совпадающие ключевые слова, отдельные выражения и целые фрагменты из известных на сегодня текстов Крюкова и Шолохова. Для каждой выявленной совпадающей пары подбирается формальный **образец**, в который вписываются только структуры контекстов Шолохова и Крюкова и никакие другие. При этом проверка уникальности совпадений осуществляется поиском по Национальному Корпусу русского языка или полным текстам в Гугле. Отбираются только те, которые с наибольшей точностью повторяют друг друга, не встречаясь у других авторов. Перечислены виды совпадений — единичные («точные»), множественные (состоящие из множества конструкций), а также «комбинаторно» распределенные — по разным местам в текстах одного и другого автора. В каждом случае оценивается вероятность того, что первоначальным автором выражения мог быть Крюков.

Ключевые слова: авторство «Тихого Дона», Шолохов, Крюков, ключевые слова, уникальное словосочетание, сравнение контекстов, Национальный корпус русского языка, виды совпадений

SHOLOKHOV OR REALLY KRYUKOV? NON-FORMAL PROCEDURES IDENTIFYING THE AUTHORSHIP OF “TIKHII DON”

Mikheev M. Yu. (m-miheev@rambler.ru)

NIVC MGU, Moscow;

The article deals with a problem of authorship: different texts of Sholokhov and Kryukov are analyzed by method of context comparing. For each possibility of coincidence of key words a formal **sample** is chosen. Only context structures of Sholokhov and Kryukov correspond to these samples. The search of coincidence by the Russian National Corpus and the full texts in Google let to verify the unique character of the variation. Then we examine some keywords, particular expressions and whole fragments from K. and Sh. texts, which most accurately duplicate each other. As the result we get different types of such coincidences, single and punctual or multiple (consisting of a set of structures), but also — distributed to various places in the texts of both authors. In each case we evaluate the probability that the original author of the expression could be Kryukov.

Keywords: authorship, Tikhij Don, Sholokhov, Kryukov, keywords, context comparing, Russian National Corpus, different types of coincidences

Валентине Поликарповне и Тимофею Григорьевичу Фоменко, с некоторым сомнением в <http://www.newchrono.ru/frame1/Methods/html/278.htm>

Проблема авторства «Тихого Дона» (и сомнения в авторстве Шолохова) известна давно. Моя точка зрения на этот вопрос: плагиат исключен просто потому, что большая часть текста романа явно переписана «стилем» Шолохова, хотя в начале существенное использование чужого текста (текста Федора Крюкова) несомненно было. — Но даже если значительная доля и языковых красот романа, и отдельных поворотов сюжета, а возможно самого замысла произведения изначально принадлежала Крюкову (далее сокращенно: К) — все равно текст последнего почти безвозвратно погребен под мощнейшей струей — нового языка и стиля, т. е. языка и стиля нового времени и нового автора(ов). Дело даже не в том, что «авторов», прилагавших руку для приведения романа к виду написанного «красным Львом Толстым»² было много (мои наблюдения как раз показывают, что стилистически «проект-писатель-Шолохов» достаточно един и довольно-таки

² Это выражение М. Зошенко мне кажется вполне применимым к поставленной Ш-м (сознательно или бессознательно) задаче — перелделке «Тихого Дона» в роман социализма.

последователен³): но все же тут не один только **ухаб**, по выражению Солженицына⁴, «между вторым и третьим томом» (под «ухабом» имелся в виду разрыв, с одной стороны, между частями с 1-й по 5-ю, вышедшими в двух книгах в 1928 году, и частью 6-й, т. е. 3-м томом, с другой). Речь, конечно, может идти об «отслоении текста», задачу которого закономерно поставила литературовед Д* (И. Н. Медведева-Томашевская: она, кстати, усмотрела сам «ухаб» в романе несколько ранее, чем обозначил его Солженицын, — уже после 28-й главы в 5-й части). Но такое «отслоение» — задача чрезвычайной сложности и с ней пока никто не справился⁵.

Вспомогательные понятия

1. лексическая **Конструкция** — слово или сочетание нескольких слов в конкретных формах, задаваемых языком, в которой слова могут быть приведены к «нормальному», т. е. словарному, виду, по сравнению с конкретными текстами; 2. комбинаторный **Образец** — некоторое множество лексических конструкций, связанное определенными отношениями: во-первых, — это конъюнкция, *объединение*, в значении: ‘и то, и другое, А и В, в любом порядке следования с возможностью постановки любого С между ними’ (далее обозначается + , плюсом), во-вторых, — *произведение* (обозначается как · или вообще без какого бы то ни было знака, как для умножения в алгебре), в значении: ‘то и другое, А и В, но в данном закреплённом линейном порядке этих элементов, с возможностью вставки между ними любого С’; знак / в образце — для разделения синонимов, или вариантов ключевых выражений, которые встречаются у одного из авторов в разных текстах, при самоповторах; знак // в образце отделяет выражения одного автора от другого; знак = в иллюстрациях отделяет примеры одного автора от другого; 3. **неполный Вариант** комбинаторного образца появляется тогда, когда в тексте встречается видоизменённая конструкция, близкая по составу к исходному образцу, но с какой-то модификацией (например, состоящей в сокращении числа элементов в образце или изменении отношений между ними); 4. проверка **Уникальности** образца достигается проверкой встречающихся у того или иного автора вариантов — на совпадение по всему множеству доступных текстов либо в Национальном корпусе русского языка (НК), либо, когда этого ресурса недостаточно, поиском по всем русскоязычным текстам в Гугле: если ни один другой вариант, кроме вариантов Ш-а и К-а, не подводит под данный, то образец признаётся уникальным и может рассматриваться в качестве аргумента в пользу происхождения обоих текстов из единого источника, т. е. авторства обоих текстов, отдаваемого К-у.

³ Здесь я никак не могу согласиться со многими явными утверждениями и неявными презумпциями Бар-Селлы (2005, 2008).

⁴ Из письма А. И. Солженицына — И. Н. Медведевой-Томашевской 1971 (Медведева 1993).

⁵ Одна из интересных, но так и не завершённых попыток в (Смирнов 2001).

А. «Точечные» совпадения: метафоры, сравнения, эпитеты

Наиболее частые совпадения, если оценивать статистически, — в диалектных словах и местных донских речениях; это неудивительно, принимая во внимание знакомство обоих с диалектом, так что здесь об этом говорить не будем⁶. Наиболее простое из нетривиальных совпадений в текстах К-а и Ш-а — это совпадение в структурах единичных метафор, сравнений или даже простых эпитетов.

А1. например, такое соответствие — одного места из текста К-а (в очерке 1914 г.) одному же месту у Ш-а, в данном случае только в ТД, — с повтором в обоих единой структуры, или, в моих терминах, единого образца (выделяю его элементы жирным) 1=1:

(облака // солнце) + (словно // как) с похмелья (1914 = ТД 2:21)⁷. Вот примеры (снова вначале К, потом Ш): *Серые неуклюжие облака тяжело клубились за крышами домов, над городским садом и за рекой. Грузно ворочались, лезли друг на друга, ползли вширь, рыхлые, мутные, словно с похмелья, бестолково толпились...* («Мельком» 1914) = (ТД 2:21) *Ветер нес по площади запах конской мочи и подтаявшего снега. Невеселое, как с похмелья, поглядывало солнце. # Группа офицеров задержалась около казака ...* — в 1-м черновике ТД (Рукопись, Часть 2, с.92), в романе еще не было обсуждаемой фразы про похмелье, она отсутствовала. Были только предшествующая и следующая за ней, а в дальнейшем кроме добавления самой фразы всё выглядит так, как потом и в печатном варианте. То есть фраза с интересующим нас сравнением каким-то образом была вставлена при редактировании — скорее всего, самим Ш-м (хотя возможно будучи заимствована, или скопирована с К-го черновика? — ср. с похожей на нее фразой в очерке К-а «Мельком» 1914, приведенной выше). Конечно, полным совпадением эти фразы не являются, но в них несомненно совпадают образы сравнения и, частично, сами объекты, а основания сравнения при этом разные: в первом случае, это *облака мутные, неуклюжие, грузные, налезавшие друг на друга* — *словно с похмелья*, а во втором уже *солнце невесело поглядывающее* — *как с похмелья*.⁸

Так разве можно вторую метафору считать «списанной» с первой? — О буквальном «списывании» речь не идет. Но возможно это авторский самоповтор: если «предтекст», или как его иначе называют, «протограф», положенный в основание ТД, был написан действительно К-м, то повтор некоторого числа собственных метафор, сравнений, типовых сюжетных связок — вещь вполне

⁶ О них — в статье, отданной в печать (Михеев 2012).

⁷ Такое соответствие, когда с одним из контекстов среди всех известных на сегодня текстов К-а сопоставим ровно один контекст у Ш-а, буду обозначать формулой 1=1 (цифры в такой формуле будут обозначать тексты, по их хронологии, слева — К-ие, справа — Ш-ие).

⁸ Благодарю Л. Л. Федорову за совместные обсуждения многих конкретных примеров этой статьи и ценные критические замечания.

естественная (это именно то, что получило у Мезенцева название — «текстологический конвой»⁹). О сходстве говорит структура сравнений, используемых К-м и Ш-м (договоримся все-таки считать, что автором ТД, пока не доказано обратное, являлся Ш). Выше эта структура и записана формально в образце (А1). В нем слова *как* и *словно* — практически одно и то же. Несколько сложнее отождествить объекты сравнения, т. е. *облака* и *солнце*, но все же и это возможно, на основании метонимической смежности — и то, и другое принадлежат к «небесным явлениям».

Ну, а вот аргументы против идеи заимствования и преемственности таких сравнений (т. е. против допущения, что они вышли из-под пера одного автора): во-первых, сама фраза в черновике отсутствовала и была вписана уже только в беловик — очевидно, в результате какой-то скрытой от нас правки рукописи. Но: кажется естественным считать, что более вероятно принадлежали перу К-а те фрагменты, которые внесены в рукопись изначально или все-таки прочитываются под слоем правки, а исправления, которые Ш вносит в текст (или кто-то за него?) — будь то в черновик, беловик, или в текст на каком-то промежуточном, скрытом от нас, читателей, этапе (скажем, еще в голове его создателя, так сказать, между черновиком и беловиком), — естественнее отнести, по-моему, к — авторски Ш-им. Ну, или же приходится предполагать, что при «переписывании» с чужого текста в каких-то местах Ш делал купюры — возможно, просто не будучи в состоянии прочесть оригинал?¹⁰ — а потом, через некоторое время, когда Ш еще раз возвратился к чужому протографу, он смог восстановить оттуда тот фрагмент, вариант которого в его собственном написании как в эскизном «прогоне текста» был им оценен, при сравнении с К-им текстом, как более слабый? Но такое, слишком уж «хитрое» текстопорождение, в постоянном как бы «соцсоревновании» с автором-предшественником, на мой взгляд, все-таки маловероятно.)

Можно посмотреть, что вообще бывает с *похмелья*, заглянув в НК и сравнив по всем имеющимся там контекстам — от Радищева до 1940 г. (когда вышел последний том ТД): в результате находим около 200 разных вариантов, но все они, как правило, встречаются лишь только в описании «денотата», реального положения дел — вместе, например, с указанием на то, что *болит голова* или что *трясутся руки* (в целом это говорит о низкой «метафорогенности» данного, слишком «приземленного», образа: кстати сказать, это важный показатель). И только при поиске в Гугле¹¹ находим такой пример, для второго примера: *Наши солнца — тихое похмелье, И на дне алеет их хрусталь: Легче хмель, согласнее веселье, И задумчивей печаль...* (Вяч. И. Иванов. Хмель. // Собр. соч. 1907, с.415). Но предположить, что он послужил пред-текстом для *солнца, по-смаатривающего как с похмелья*, все-таки сложно.

⁹ М. Т. Мезенцев должен был быть упомянут уже во введении в проблему. Этот его термин, в свою очередь, заимствован — с некоторым переосмыслением — у Д. С. Лихачева (Мезенцев 1998).

¹⁰ Хотя у К-а в самом деле непростой почерк.

¹¹ Благодарю открывшего мне эту возможность — Д. В. Сичинаву.

Таким образом, хоть и с некоторым сомнением, но совпадение по образцу (*облако/солнце*) + *как с похмелья* можно признать уникальным и отнести к аргументам в пользу того, что автор обоих текстов — изначально один и тот же. На самом деле, таких примеров много. Приведу еще два.

А2. всадники (как // похожие на) + нахохленные (воробьи // птицы) (1913 = ТД 4:20). Здесь опять-таки совпадение выражений, укладываемых в единый образец «один к одному» — как и ранее, обозначу это формулой: 1=1. *В восемь утра, в сером полусвете, сквозь тонкую, зыбкую сетку дождя я вижу: верхом на мокрых тонконогих лошадаках с острыми спинами подъезжают к станичной школе оригинальные всадники — маленькие, намоклие, нахохленные, как озябшие воробьи («В глубине» 1913) = (ТД 4:20): Всадники, похожие на нахохленных черных птиц, ехали, надвинув высокие папахи, зябко горбились в седлах, кутали в башлыки маслено-смуглые лица. — Как же так? — должен сказать здесь внимательный читатель, знакомый с текстами обоих авторов, — ведь тут описаны совершенно разные события: у К-а это событие вполне мирное и даже бытовое, приезд учеников в школу, а в ТД — тайное бегство из Быховской тюрьмы генералов во главе с Корниловым. Помимо всего прочего, само сравнение человека с *нахохленной* птицей просто тривиально. И тем не менее то, что в обоих случаях объектом сходного сравнения оказались именно *всадники*, т. е. совпадение набора конструкций, как бы подобранных по единому образцу, совершенно уникально: ни у кого во всем НК такое не повторяется; нет совпадений и при поиске в Гугле. Это позволяет предположить, что у приведенных фраз автор один. Конечно, самих по себе сочетаний, построенных по образцу *нахохленный* + (*воробей / птица*) — просто пруд пруди, но вот *всадников*, которые бы сравнивались с ними, почему-то больше нет ни одного. И этот пример тоже — на чашу весов авторства протографа ТД за К-ым.*

Несколько более экзотична метафора, заключенная в составе следующего микросюжета:

А3. (глядеть // оглядывать) + из-под + (белоснежный // белый) лопух шляпы (1916 = ТД 3:8) — и здесь формула снова: 1=1. Совпадает не только метафора, но одновременно еще и несколько сюжетных деталей¹². В обоих текстах действие происходит во время войны. Только если в рассказе К-а речь шла о монастыре в Галиции, где монахинями организован госпиталь (это на территории бывшей Австро-Венгрии; женщины говорят между собой очевидно по-польски): *У настоятельницы на голове белоснежный накрахмаленный лопух величиной с дамский зонтик. Под этим лопухом сизое, озябшее лицо старушки, с носом вроде созревающего баклажана и толстыми, строгими губами, очень смахивает на великолепный гриб-дождевик изукрашенный ветрами и солнцем. Из-под другого лопуха, поменьше, лукаво глядят карие веселые глазки маленькой, изящной шаритки [и там же, через 3 страницы:] Белые лопухи на головах монахинь затряслись, закачались: # — До видзенья, пани... до видзенья!..*

¹² Благодарю за указание на него, как и за обсуждение некоторых других примеров С. Л. Рожкова.

(«Группа Б» 1916) = у Ш-а в романе русские солдаты-казаки косят траву на поле хозяина-поляка: (ТД 3:8) *Хозяин, под белым лопухом войлочной шляпы, повел их к своей поляне.* [и через ½ страницы — продолжение темы, заданной образцом К-а:] *Иванков затягивал в фуражку ворох травья. Рядом с ним, посасывая трубочку, стоял колченогий хозяин-поляк. Он сунул руки за пояс, из-под полей шляпы, насупясь, оглядывал косившего Щеголькова.*

Метафора *лопух шляпы* при проверке по НК больше ни у кого из авторов, представленных в корпусе за интересующий нас промежуток времени не повторяется. А при этом в ТД больше нет ни одной метафоры или хотя бы сравнения со словом *лопух*, зато у К-а они встречались и ранее, и после:

в неуклюжих сапогах, голенища которых похожи на широкие лопухи («Речь на заседании Госдумы» 1906); через два года — повтор того же: *неуклюжие сапоги с широкими, как лопухи, голенищами* («Мечты» 1908); еще через 8 лет похожее сравнение: *Огромный зеленый лопух рупора* («В сфере военной...» 1916) — тот же самый эпизод будет повторен и в рассказе «Группа Б»; ну, и еще — *короткие брюки лопухом* («Цветок-татарник» 1919).

У Ш-а нет других метафор с этим словом не только в ТД, но и в ДР, единственное с ним сравнение — только в ПЦ, когда Разметнов укоряет Давыдова: *... все разговоры да разговоры «кулака уничтожить», а он растет из года в год, как лопух, и солнце нам застит* (ПЦ 1:4). Но это, согласимся, сравнение совсем другого рода, нежели *лопух шляпы*: не уподобление цветку по форме, а здесь возникают уже совсем другие коннотации — неотвязность, невозможность избавиться от сорной травы...

Однако если эту метафору поискать в Гугле, то все же находятся тексты, по видимому, и ставшие образцом — но как раз уже для К-го (а не Ш-го) подражания! В примере ниже автор описывает то, как по его мнению безвкусно одеваются люди в Кёнигсберге (берлинцы, по его словам, даже называют этот город — *немецкой Сибирью*): *... вы видите в немецких городах отсутствие всякого изящества; особенно безобразны здесь шляпки: они похожи на тяжелые лопухи, со множественством разных украшений, сади торчащие высоко, а на лбу приплюснутые* (Очерки заграничной жизни А. Забелина. М. изд. книгопродавца А. Ф. Черенина, 1861, с.40). — На мой взгляд, именно данный пассаж, как и вся книга этих воспоминаний, могли быть прочитаны К-м, произвести впечатление, запав в память, а потом всплыть в ней, невольно повторившись — и в раннем очерке, и в самом романе. Но для Ш-а трудно представить такое, чтобы он читал такой «несовременный» для него текст. Хотя, конечно, само выражение далеко не так уникально и могло быть воспринято им не только из этого источника. Вот еще одно пересечение, уже из исследования поэтических текстов, где усматривается следующий семантический переход: *Головной убор* — > *растение*, иллюстрируемый примером из текста (времени как раз между К-м и Ш-м) у поэта Петра Потемкина¹³: *Снегом покрыт серебристый лопух / Шляпки твоей. Кутая горло пушистым боа, Давишь ты ласковый снег каблуком.*

¹³ Н. В. Павлович, *Словарь поэтических образов: на материале русской художественной ... 1999, том 1, с.793.*

То есть здесь, в этой, признаем, довольно «избитой» литературной метафоре, возможно и ее независимое порождение обоими авторами, но все-таки в составе целостного образца (*глядеть из-под* +) никем другим она не использовалась. Так что и этот пример — аргумент в пользу возможности единого авторства.

Б. Сложно-составные совпадения

В последнем из разобранных выше примеров мы уже столкнулись с тем, что Образец может воспроизводиться самим автором в виде неполного Варианта — когда *белые лопухи* в тексте К-а были повторены в том же тексте через 3 страницы, но — в неполном виде (или у Ш-а, не только в ТД, но и в ПЦ). Несколько более сложное дело — но, как представляется, и более надежное, так как более доказательное — нахождение совпадений сразу по нескольким описываемым предметам, действиям или ситуациям. При этом сами конструкции могут описываться как с помощью метафор, так и быть сугубо «денотатными», т. е. бытовыми, нехудожественными, — когда уникальность Образцу обеспечивает неповторимость одних и тех же его элементов.

Б1. (молодежь // парни) + (заигрывать с // щупать) + девки + в (церковь + ограда) // в церковной ограде (1912 = ТД 2:16): 1=1. Тут перед нами описание ситуации без метафор и без всяких поэтических сравнений — некий простенький сюжетный эпизод: в текстах К-а он встретился один единственный раз — в рассказе священника с жалобой о том, как он взывает к совести своих прихожан, читая им проповедь против пьянства, а они, мол, особенно молодые, никак этим призывам не внемлют: ... *произносил проповеди в церкви <...>, а молодежь в это время толчется где-нибудь в ограде, с девками заигрывает...* («Без огня» 1912). = Так же единственный раз встречается этот Образец и у Ш-а, только в ТД и — переходя в авторскую речь (следуя в абзаце за описанием погоды): (2:16) *В церковной ограде, испещренной блестками талых лужиц, гуртовались парни. Из церкви через распахнутые двери на паперть, с паперти в ограду сползали гулкие звуки чтения, в решетчатых окнах праздничный и отрадный переливался свет, а в ограде парни щупали тихонько повизгивавших девок, целовались, вполголоса рассказывали похабные истории.*

Б2. Ниже совпадение еще более сложно организованного сюжетного эпизода: (удалось пройти // вышел) на + Невский проспект + демократические (пиджаки и треухи // пятна: шляпы, котелки, фуражка) + нарядная (публика // толпа) + (живописно / переливы разноцветных красок) + нарядные (женщины // шляпки женщин) (1917 = ТД 4:10). Опять перед нами простое описание событий, практически без метафор, и опять совпадение как будто «один в один»: 1=1. У К-а в очерке «Обвал» автор выходит на Невский проспект (действие происходит перед самым падением самодержавия, в конце февраля 1917); а в ТД — в том же месте и том же году, но в июле, сразу после

подавления «большевистского» мятежа (тут по проспекту идет уже «антигерой» романа, Листницкий). Описание толпы при этом во многих деталях совпадающее: *На Невский удалось пройти беспрепятственно. Шел я, посматривал на стекла магазинов — все цело, никаких признаков разрушения. <...> Более обычного были запружены народом панели — живописно и оригинально перемешалась нарядная публика и демократические ватные пиджаки и треухи. От нарядных женщин пахло дорогими духами («Обвал» 1917) = в ТД этому соответствует эпизод (4:10), когда Листницкий, вызванный к командиру полка, вышел на проспект <...> Густая толпа пенилась мужскими соломенными шляпами, котелками, кепками, изысканно-простыми и нарядными шляпками женщин. В общем потоке изредка мелькала зеленым демократическим пятном фуражка военного и исчезала, поглощенная переливами разноцветных красок.*

Автор очерка «Обвал» движется по Невскому проспекту и видит, что публикой запружены все панели, Невский для него предстает в виде некоей реки, народ на нем — как некая запруда. В ТД образ лишь незначительно иной: Листницкий вышел на проспект, где толпа несется потоком, и ему видны только головные уборы, разноцветные и мелькающие перед ним пятнами, зеленые фуражки — демократические, военные, среди нарядных шляпок и соломенных шляп. — У автора очерка всё это создает впечатление живописной толпы на панелях, а у автора ТД — разноцветного потока. Сюда добавляется также и представление о разношерстной публике — и барыни, и простолюдины (у К-а), и военные (у Ш-а). Но в обоих случаях такие совпадающие детали, как демократические (пиджаки или фуражки) и толпа, названная — *многоголовой и многоглазой*.

Но даже если не считать сочетание демократические пиджаки / фуражки — заимствованием обязательно у К-а, если признать, что в то время эти выражения, что называется, просто «носились в воздухе», возможно ли объяснить сходжение еще по 6 разным словосочетаниям в данном Образце в двух текстах — простой случайностью? По-моему, совпадение по такому количеству составляющих элементов возможно только в том случае, когда тексты написаны одним человеком, как бы «прокручивающим в памяти» одну и ту же ситуацию, описывающего ее теми же словами, т. е. поневоле сбивающегося на свои субъективные клише.

V. Множественно-комбинаторные совпадения

(Такие случаи, когда имеет место «вязкий» повтор одного и того же образца — например, в разных текстах К-а, а воспроизводятся они у Ш-а только уже все вместе, в одном ТД.)

V1. (Шоколадный цвет // шоколад) + (пятна / жижа / жидкая грязь / пюре // глина)¹⁴. — Здесь имеется четырехкратное упоминание одной и той же конструкции с метафорой в разных текстах К-а (1912–1916), а им соответствует

¹⁴ Отмечено в словаре параллельных мест А. Ю. Чернова.

однократное воспроизведение в ТД (только в 3-й части). Для К-а это одна из постоянно повторяющихся метафор: *грязь* для него похожа на *шоколад*, — но у Ш-а, в ТД, они же, два этих реальных предмета, существующие все-таки отдельно, *шоколад* и *глина*, хотя последняя сравнивается в конце концов с шоколадом, но только по цвету: (1912, 1914, 1915, 1916 = ТД 3:17; 4:3). В текстах К-а этот образец — явный маркер, который в общей сложности возникает не менее 7 раз («Офицерша» 1912, «Мельком» 1914, «В Азербайджане» 1915 — дважды, «Группа Б» 1916 — а в последнем тексте даже трижды).

В первый раз — у К-а в «Офицерше», где с шоколадом сравнивается глина, которой перепачкано лицо и одежда подновляющей свой курень казачки (тремя абзацами ранее этого места персонаж-повествователь наблюдал, как героиня штукатурит, обмазывая глиной стену): 1. *он с минуту смотрел на нее, ширококостную, рябую, до бровей забрызганную шоколадными пятнами* («Офицерша» 1912). Еще раз повторено то же сравнение и в другом очерке, через два года, где описано уже путешествие в лодке по реке: 2. *Мы причалили к зеленой муравке. Я прыгнул и... увяз — попал в болотину, брюки до колен покрылись слоем жидкой грязи шоколадного цвета. Огорчился и сконфузился... Мужичок успокоительно говорил: — Тут-таки вязко. Да ничего, обсохнет. Как говорится: не сало — помял и отстало...* («Мельком» 1914). В следующем году — уже с небольшой лексической модификацией метафоры, на вместе *грязи* как денотата оказывается еще одно ее сравнение, или метафора, — *пюре*, хотя и сам денотат потом тоже будет назван, для определенности; кроме *пюре* к эпитетам *грязи* добавлен здесь еще и — *глянец* (позже он тоже будет повторен, в еще одном тексте): 3. *А дорога была — сплошное шоколадное пюре, местами жидкое, отливающее радужным глянцем, местами — покруче, темное и матовое. Фазтон, плавно покачиваясь, медленно плыл по этому глянцевому мес<ив>у ... И постепенно в душе чувство содрогания и изумления перед неисчерпаемым обилием и царством грязи сменялось чувством успокоительного примирения: что ж, и в грязи люди живут...* («В Азербайджане» 1915). Ну, а последний раз — уже троекратное обращение к тому же образу в одном и том же тексте, на протяжении полутора десятков страниц: 4. *военные фуры, двуколки — все забрызганное глянцевой шоколадной грязью*; тут еще повторяется и причастие *забрызганный*; 5. *Шипя шоколадною грязью, жужжа, брызгаясь, пронесся автомобиль*; 6. *На шоссе стояла шоколадная жижа в полколена* («Группа Б» 1916). = Всему этому избылию соответствуют у Ш-а только один пример в рамках указанного образца. При лексически уникальном совпадении сами ситуации опять-таки совсем не совпадающие, в первой: шоколад упомянут реально, как лакомство, который в теплых пальцах отца Мелехова становится расплавленной *жижей*, и — отдельно от этого — хотя и контактно, в следующем же предложении, упоминается глина, о которую герой вытирает руку: (ТД 3:17) *Пантелей Прокофьевич давил в горсти очищенную конфету. Шоколадная вязкая жижа ползла у него меж пальцев. Он вытер ладонь о коричневую крошку глин насыпи, молча стал закуривать.*

Итак, четыре раза повторенный у К-а полноценный образец превращается у Ш-а в один единственный, в ТД, обозначим это формулой: 1+2+3+4=1.

В2. (Задумавшиеся / после раздумья // в раздумье) + (галки / куры // курица). Перед нами случай, когда образец, состоящий из двух конструкций с уникальной метафорой, при этом повторенный трижды, с теми или иными вариациями, в трех текстах К-а, затем воспроизводится у Ш-а, — тоже только в одном месте, в ТД, т. е. три примера сводятся к одному: предварительная формула этого такова: $1+2+3=1$. У К-а в 3 текстах, написанных почти подряд — в 1907-м, 1908-м и 1909-м годах, а у Ш-а в одном месте — только в ТД: 1. ... золотисто-багряные закаты с алыми стенами станичной церковки и *задумавшимися галками* на крестах («Обыск» 1907); 2. ... куры с испуганным кудахта-ньем метались на плетни и *после короткого раздумья* ныряли во двор («Жажда» 1908); 3. (мальчик Дениска видит отраженную в лужице) — *задумавшуюся курицу* и черную ветку старой груши («Зыбь» 1909). = ТД (3:2): *На обезлюдевшем дворе ходила пестрая, с подрезанным хвостом курица и, не зная того, что на-завтра помышляет повар приготовить из нее суп пану управляющему, походя копалась в навозе и клохтала в раздумье, где бы положить яйцо.*

Очевидно, что для К-а *задумавшаяся* птица — опять-таки некий ключевой элемент «текстологического конвоя», поскольку она трижды возникает в фокусе писательского внимания. Но вот у Ш-а ни один из представителей пернатых, кроме злосчастной (ни о чем *не подозревающей*) курицы, т. е. ни галки, ни так любимые им хищники — коршуны или соколы — не описываются как *задумавшиеся* или же пребывающие *в раздумье*.

Приведенной вначале формуле для контекстов К-а и Ш-а, соответствующих данному Образцу, можно придать более точный вид, указав для определенности (это пригодится в дальнейшем) в нижних индексах при каждом из контекстов — количество элементов в составе образца: $1_2+2_2+3_2=1_2$ (то есть все три варианта уникальны, так же как вариант в ТД, имея в своем составе по два элемента). Здесь мы видим, что подобного рода совпадения отличаются тем, что «насыщение» их «слева» существенно богаче, чем «справа». Казалось бы, почему?

Г. «Комбинаторные» совпадения

В примерах ниже образец, регулярно употребляющийся кем-то одним из авторов, у другого в целостном виде представлен только один раз или же бывает «собран» из нескольких лексических конструкций порознь.

Г1. **(глядеть // тарашить глаза на) + обтянутый (рубахой // жилеткой) + круглый живот**¹⁵ (1914 = 1928). Это образец из трех слагающих его конструкций, без настоящих метафор; у К-а он потом повторен еще раз, в тексте более позднем и в варианте неполном. 1. *Максим Семеныч с усилием таращит глаза на обтянутый рубашой круглый живот* («Тишь» 1914) = а у Ш-а он встречается лишь однажды, в ТД (2:1). Про сына купца Мохова, Владимира, кото-рый идет к отцу жаловаться: *глядя на круглый отцовский живот, обтянутый*

¹⁵ Было отмечено у А. Чернова и Д. Доброва.

чесучовой *жилеткой*, уже решительно продолжал... Ситуации различаются тем, что в первом случае, у К-а, сам автобиографический герой повести, ветеринар Карпов, — *таращит глаза* — на собственный живот. При этом позднее, уже в военном рассказе «Группа Б» (1916) встречаем у К-а и неполный вариант, без конструкции *глядеть / таращить глаза на* — там упоминается некий доктор, который: *2. стоял, выпятив круглый живот, обтянутый кожаной курткой, курил папиросу за папиросой* (но даже этот вариант также оказывается уникален, по НК).

Естественно, что «уникальность» по НК, как правило пропадает, когда ищешь по Гуглу: там количество текстов гораздо больше. Вот наиболее близкий к интересующему нас образцу вариант, хотя и он также неполный: *Навстрѣчу показался большой, круглый животъ, обтянутый модною жакеткой темно-сизаго цвѣта и бѣлымъ жилетомъ, сверкавший брелоками и жетонами...* (Н. Сѣверов — Рассказы, очерки и наброски. Тип. И. Н. Скороходова, 1892, с.193). Возможно, что К этого автора читал. А вот уже более близкий к Ш-у контекст, по времени [автор неизвестен]: *отвечал Никитка, лениво почесывая круглый, обтянутый кумачевой рубахою живот* («Звезда» Гос. изд-во худож. лит-ры, 1925).

Таким образом, оба подходящие под описанный Образец примера — К-ий и Ш-ий — в полной форме, т.е. с тремя составляющими конструкциями, уникальны, и ближе всего к ним — еще один К-й, уже неполный, только с двумя конструкциями (он не уникален, по Гуглу). Но вот в текстах Ш-а нигде в другом месте подобного не встречается. Здесь формула соответствия такова (неполный вариант в скобках): $1_3 + (2_2) = 1_3$.

Г2. В следующем случае имеем соответствие множества самоповторов у К-а — одному единственному месту в ТД¹⁶ — с еще одним, неполным, уже из ПЦ: (*медовый // медвяный*) + (*запах / пахнет // пахнуло*) + (*цветы // цветущая*) + *тыква*¹⁷. Выстроив тексты К-а и Ш-а по годам: 1909, 1910, 1913, 1916, 1918, 1919 = ТД 6:61 (1932)¹⁸; ПЦ 2:11 (1960). А вот формула самого образца, забегая несколько вперед, такова: $1_4 + (2_2) + (3_3) + (4_2) + (5_2) + (6_2) = 1_4 + (2_2)$. С одной стороны, этот уникальный образец у К-а повторяется в шести текстах — у Ш-а только в двух местах, в ТД и ПЦ, второй из которых неполон. Но у К-а среди них также все кроме первого неполные, и даже наиболее «насыщенный» из всех все равно «уступает» Ш-у. Вот соответствующие контексты К-а: 1. *Густой медовый запах шел от крупных золотых цветов тыквы с соседнего огорода* («Зыбь» 1909) — здесь четыре совпадения с образцом (они снова помечены нижними индексами); 2. *уютные стены, которые так знакомо пахнут печеной тыквой*

¹⁶ Этот пример был отмечен уже многими исследователями Крюкова — А. Ю. Черновым, Дм.Добровым и др.

¹⁷ *Медовый* и *медвяный* считаю возможным в данном случае отождествить — применительно к запаху тыквы или ее цветов.

¹⁸ 61-я глава 6-й части ТД была опубликована в 1932 г.

и дымком («Мать» 1910) — всего лишь два совпадения; 3. *Бессильно свернулись золотые, медовые цветы тыквы* («Отец Нелид» 1913) — три совпадения; 4. *Пахнет кизячным дымком и печеной тыквой* («Ползком» 1916) — тут опять только два; 5. *хуторские улочки с кучами золы в центре, с запахом кизяка и печеной тыквы* («Свежо предание 1918) — также два; 6. *запах кизека и тыквы борется с чудесным запахом осеннего листопада* («Цветок-татарник» 1919) — и здесь тоже два.

А вот пример Ш-а — единственный в ТД, наиболее «насыщенный», вбирающий в себя все содержание, все конструкции этого образца, даже с избытком: (6:61) *с огородов пахнуло медвяным запахом цветущей тыквы*. — Здесь формально даже больше, чем в наиболее насыщенном контексте К-а, т. е. 5 совпадений! (но *запах* и *пахнуть* — синонимы).

Характерен для К-а еще один, схожий ключевой мотив, описывающий уже запах не цветов, а — *плодов тыквы*, который задан следующим образом: (**пахнет / с запахом // пахнуло запахом**) + **печеный + тыква**. Это образец тоже вполне уникальный, который повторяется в трех текстах К-а (и в тех же примерах: см. выше), а им соответствуют только два места у Ш-а, оба в ТД, причем оба неполны (там есть только печеная тыква как еда, но нет как такового ее запаха).

С другой стороны, характерным вариантом у Ш-а, т. е. как бы уже не К-м, а его собственным «коньком», избранным им образцом, в отличие от — запаха *печеной тыквы* (каковой в текстах Ш-а не отмечен), оказывается другой запах — *тыквы цветущей*, или *цветов тыквы*: соответствующий пример имеется и в ПЦ, изданном уже в 1960 (2:11) *по плетню, между кольев, извивались плети тыкв, узоря его колокольчиками желтых цветов*. Это тоже самоповтор, но Ш-ий.

Д. Распределенные по разным местам совпадения

Наконец, встречаются такие случаи, когда образец собирается из нескольких конструкций, или выражений порознь — когда и у того, и у другого автора имеют место «вязкие» повторы одной и той же конструкции, рассеянные по разным текстам или же по разным местам в одном тексте:

Д1. **Веер + (раскинуться // расходиться) + (багряный // багрянец) + (пыльный / колонны пыли / столбы пыли // пылиться) + (облака // тучи) + (заря // лучи) + (на западе // закатное солнце) + (мазки / краски // окраска / отсветы / спектр красок)**¹⁹. («Мать» 1910 = ТД 3:14) — здесь точное соответствии (1=1), снова по максимуму вместе 7 из 8 элементов Образца встречаются только у К-а в тексте «Мать» (1910 г.) и у Ш-а в ТД 3:14 (текст опубликован в 1928-м). Дам их перечисление наряду с неполными вариантами: 1. *Когда последние, красноватые лучи его (солнца) погасли на курившихся облаках пыли, стало вдруг очень свежо, даже холодно, захотелось деревни, ночлега* («К источнику...» 1904); 2. *Косые лучи выглянувшего из облаков осеннего солнца пронизывали оригинальные колонны пыли* («Новые дни» 1907); 3. *В прорехи старой крыши сарая*

¹⁹ Слова, не выделенные жирным, входят в Образец только у кого-то одного из авторов.

лезли горячие лучи солнца. Светлые, чистые колонны пыль, разрытой курами, стояли косыми рядами, наклонившись в сторону улицы («Зыбь» 1909); 4. На позеленевшем, низком небе застыла золотисто-розовая пыль зари («Товарищи» 1909 — из 1-го абз.); 5. (депутат от станицы идет по полю вместе с местным батюшкой) пошел, окруженный плотным, непроницаемым живым полукругом, от которого пыхало жаром. Песочная мелкая пыль тающим белым столбом плыла над ними («Шквал» 1909). Через год добавлен мотив «живописных мазков красок»: 6. Пыль плавала над ярмаркой, и дым, голубой и пахучий, медленно выползавший из харчевен, опоясывал, как шарф кисейный, золотую стену высоких верб и тополей. Низко стояло солнце. Лучи, перерезанные длинными тенями, бросили на площадь косые, схилившиеся колонны, прозрачные и светлые. Тесное шумное торжище было похоже — на волшебный храм: голубой, запыленный свод; зеленые стены с причудливой канвой, расписанной фантастическими мазками лазоревых, пурпуровых, лиловых и золотых красок; дым кадильный; многоголосый хор нестройно жужжит, плещется, шумит... ; 7. Вечер надвинулся. Пыльная заря горит на западе, багряные длинные мазки веером раскинулись на полнеба («Мать» 1910) = 1. (ТД 2:3) И деда, провожавшие с завалинок пыльный багрянец заката, переговаривались через улицу...; 2. (ТД 3:14) Желтую щетину жнивья перебирал ветер. На западе корячились, громоздясь, тучи. Вверху фиолетово чернели, чуть ниже утрачивали чудовищную свою окраску и, меняя тона, лили на тусклую ряднину неба нежно-сиреневые дымчатые отсветы; в середине вся эта бесформенная громада, набитая как крыги в ледоход на заторе, рассачивалась, и в пролом неослабно струился апельсинного цвета поток закатных лучей. Он расходился брызжущим веером, преломляясь и пылясь, вонзался отвесно, а ниже пролома неописуемо сплетался в вакханальный спектр красок.

С привлечением указанных неполных вариантов, схема образца выглядит так: $(1_3) + (2_3) + (3_2) + (4_2) + (5_2) + (6_4) + 7_7 = (1_3) + 2_7$.

Итак, мы обозрели здесь типы возможных соответствий. Когда будет рассмотрено все их множество по текстам Ш-а и К-а, можно будет точно определить степень зависимости текстов одного от текстов другого. Замечу, во-первых, что подавляющее большинство совпадений оказывается — по тексту ТД, а не с другими произведениями Ш-а, а во-вторых, что последние из рассмотренных нами типов (В, Г, Д) отличаются тем, что повтор образца имеет место или только «слева», со стороны К-а, или преимущественно «слева», а не «справа» (не со стороны Ш-а), «справа» же их значительно меньше. Это, на мой взгляд, свидетельствует о заимствовании фраз, составленных по этим образцам, из текста К-а. Ясно главное: в какой-то степени текст К-а использовался, но все-таки не как объект работы плагиатора. Ш серьезнейшим образом «перепахал» его, поставившись вмешаться, или «наложить руку», переделать по-своему буквально все литературные находки своего предшественника. Насколько он «улучшил» или «ухудшил» в итоге текст, можно спорить еще долго, это дело вкусов (и идеологических пристрастий) исследователей. Но отделить «влияния» на текст (которые здесь не разбирались: среди безусловно влиявших на автора ТД можно

указать хотя бы Есенина и Бабеля, при всем несходстве двух поэтик) — однако отделить такие влияния от текста, «использованного» для создания ТД, как оказывается, все-таки возможно.

Литература и сокращения

1. *Бар-Селла 2005* — Бар-Селла З. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». М. 2005. (Bar-Sella Z. Literaturnyj kotlovan. M. 2005)
2. *Бар-Селла 2008* — Бар-Селла З. Записки покойника («Тихий Дон»: текстология хронологии) // Русская почта. Белград 2008, № 1. (Bar-Sella Z. Zapiski pokojnika // Russkaja pošta. Beograd, 2008, №1)
3. *Добров Дм.* «Тихий Дон». Неоконченный роман (Dobrov D. Neokonchennyj roman) <http://www.dm-dobrov.ru/publicism/don/index.html>.
ДР — «Донские рассказы» Шолохова. (Sholokhov “Donskije rasskazy”)
К — Федор Дмитриевич Крюков (его тексты цитируются по электронным изданиям: см. Крюков, Чернов, ФЭБ.) (Kryukov F.)
4. *Крюков 2009* — Крюков Ф. Д. Над обрывом. Очерки и статьи последних лет жизни (1917–1919). М.–СПб., 2009 — <http://uni-persona.srcc.msu.ru/f-kryukov/index.htm> (Kryukov. Nad obryvom. M.–SPb. 2009)
5. *Крюков 2010* — Федор Крюков. Неполное собрание сочинений — <http://fedor-krjukov.narod.ru/index.htm> (Kryukov. Nepochnoje sobranije sochinenij)
6. *Медведева 1993* — Медведева И. Н. (Д*). Стремя «Тихого Дона». Загадки романа. М. 1993. (Medvedeva I. N. Stremja Tikhogo Dona. M. 1993)
7. *Мезенцев 1998* — Мезенцев М. Т. Судьба романов. Самара. 1998 — на сайте <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0121&oid=01>. (Mezentsev M. T. Sud’ba romanov. Samara, 1998)
8. *Михеев 2010* — Михеев М. Ю. Компильция или... языковые клише? Сравнивая характерные для авторского стиля наборы словосочетаний // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010». Вып. 9 (16). М., 2010. С. 340–349. — <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/52.htm> (Mikheev. M. Ju. Kompil’azija... 2010)
9. *Михеев 2012* — Михеев М. Ю. «Кулер локаль, или орнаментальность в художественной прозе. Диалектные вкрапления у Крюкова и Шолохова» // Вариативность в языке и коммуникации (отв. ред. и составитель Л. Л. Федорова) М., [выйдет предположительно в] 2012. (Mikheev. M. Ju. Couleur local... 2012)
НК — Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
10. *Павлович 1999* — Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной ... М. 1999, том 1, с.793. (Pavlovich N. V. Slovar’ poeticheskikh 1999)
ПЦ — «Поднятая целина» Шолохова. Книга 1. Книга 2. (Sholokhov M. Podnjataja tselina)

11. *Рукопись* 2005 — Шолохов М. Тихий Дон. Рукопись. Книга 1 и 2. Факсимильное изд. текста. М. — Киев — Париж, 2005. (Sholokhov M. Tikhij Don. Rukopis'. 2005)
12. *Смирнов* 2001 — Смирнов А. А. Чтения «Тихого Дона» — Чтение первое (2001, 16 июля) — на сайте МГУ <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0211&oid=02>
ТД — Роман «Тихий Дон» (см. на сайте ФЭБ). (Sholokhov M. Tikhij Don)
ФЭБ — Фундаментальная электронная библиотека. ЭНИ «Шолохов» <http://feb-web.ru/feb/sholokh/default.asp>.
13. *Чернов* 2011 — Чернов А. Ю. Федор Крюков — «Тихий Дон». Материалы к параллельному словарю диалектизмов... — <http://fedor-krjukov.narod.ru/slovar.htm>
Ш — Михаил Шолохов (Sholokhov M.).